



Исикава
ТАКУБОКУ

ЛИРИКА

ИСИКАВА ТАКУБОКУ · ЛИРИКА

ИСИКАВА ТАКУБОКУ



СОКРОВИЩА
ЛИРИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ



ИСИКАВА
ТАКУБОКУ

ЛИРИКА

Перевод
с японского
Веры Марковой



Издательство «Художественная литература»
Москва 1966

И (Яп)
И85

Вступительная статья
и примечания
В. МАРКОВОЙ



Оформление художника
Д. БИСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга пятистиший-танка «Горсть песка» Иси-кава Такубоку начинается знаменитым стихотворением:

На песчаном белом берегу
Островка
В Восточном океане
Я, не отирая влажных глаз,
С маленьким играю крабом.

Танка эта стала в Японии народной песней. Она переведена, помимо русского, на английский, французский, немецкий и китайский языки. Именно ее выгравировали на могильном камне, под которым похоронен поэт.

Эта маленькая повесть о «юношеских страданиях» овеяна грустной романтической прелестью. Танка по самой своей сути не допускает подробного рассказа, и все же Такубоку сумел в немногих словах сказать так много, что ничего нельзя прибавить, да и не нужно...

Машинально, чтобы заглушить свою печаль, молодой поэт играет с маленьким крабом, не давая ему

убежать и зарыться в песок. Выбеленные солнцем пески и огромное пространство моря, откуда все набегают и набегают волны, — кажется, что в мире ничего больше нет... Рождается острое чувство одиночества и незащищенности.

Но море не только подавляет своей величиной, в его дали словно скрыта волнующая неизвестность будущего. Человек не просто мал, в нем тоже могут быть скрыты огромные горизонты. Вот почему печаль поэта, как облако, подстелена светом. Ему трудно, но он еще стоит на пороге жизни, и в самой его печали слышен голос времени: это романтическая поэзия молодой Японии начала нашего века, это ее «парус одинокий»...

Исикава Такубоку создал стихотворение «На песчаном белом берегу...» в 1908 году; ему было тогда двадцать три года. Незадолго перед этим он приехал в Токио с северного острова Хоккайдо. Возле города Хакодате на этом острове есть песчаное побережье, где любил бродить поэт. Рассказом об этих днях и начинается «Горсть песка».

Такубоку смотрит на себя уже как бы со стороны, сквозь дымку воспоминаний, смягчающую резкий свет и размывающую контуры. Жизнь в Токио оказалась для поэта так ужасающе тяжела, что воспоминания, даже и печальные, становились для него своего рода убежищем.

Маленький краб на берегу, горсть песка, которая, шурша чуть слышно, сыплется меж пальцев, сломанный ствол дерева, песчаный холм, похожий на могилу, — в этих грустных образах живет свежесть моря. Они были новы для японской поэзии и своей новизной разрывали сеть поэтических условностей.

Сборники пятистиший Такубоку — своего рода лирические дневники, в них проходит перед нами вся жизнь поэта. Больше того, это повесть о судьбах целого поколения.

Исикава Такубоку (Такубоку — литературный псевдоним, настоящее имя поэта — Хадзимэ) родился в 1885 году¹ и провел свое раннее детство в деревне Сибутами. Находится она на северо-востоке главного острова Японии — Хонсю, возле города Мориока. В «Горсти песка» ей посвящен второй раздел цикла «Дым».

Исикава Такубоку был сыном буддийского священника. Отец его происходил из многодетной крестьянской семьи, да вдобавок еще был пасынком, и в детстве его, как лишний рот, отдали в монастырь. Он получил некоторое образование, любил поэзию, но жизни не знал и, когда его внезапно лишили должности, оказался беспомощным, словно рыба, выброшенная из воды.

Такубоку рос в сельском храме. Вокруг мягко округлились горы, возле храма высилась роща, где часто пела кукушка. Голос ее будет слышаться поэту в далеком Токио. Детство поэта — самая радостная пора в его жизни. Он был единственным сыном в семье, родители любили его и баловали. Им посвятил поэт некоторые из самых своих проникновенных и грустных стихотворений.

В первом разделе цикла «Дым» Исикава Такубоку вспоминает о своих школьных годах в городе Мориока. В мальчике рано проснулся интерес к

¹ Такова, согласно достоверным свидетельствам, полная дата рождения поэта, но официальной датой считается 1886 г. (время регистрации его рождения).

литературе, он с увлечением читал стихи новых поэтов.

Конец XIX века был ознаменован в японской поэзии (как и в прозе) стремительным развитием романтизма. Романтики «первого призыва» Китакура Тококу (1868—1894), Симадзаки Тосон (1872—1943) стали властителями дум молодого поколения.

«Все словно опьянены светом, новыми звуками и мечтами. Юное воображение очнулось от долгого сна и припало к источнику народной речи», — писал Симадзаки Тосон в предисловии к сборнику романтических стихов «Молодая поросль» (1897).

Литературная поэзия старой Японии создала искусство лирической миниатюры (танка и хокку). Поэты-романтики нового времени нашли в европейской поэзии свежий источник вдохновения и стали создавать стихи большой формы. Появились «длинные» стихи (по-японски си), новые строфы и ритмы. Молодые люди Японии стремились покончить с остатками феодального строя, им была близка свободолобивая поэзия Шелли, Байрона, Шиллера. Юный Исикава Такубоку изучал английский и немецкий языки и познакомился с многими европейскими поэтами в оригинале.

Русская поэзия была тогда еще мало известна в Японии, но русские романы (в японских и английских переводах) имели огромный успех у читательской молодежи. Исикава Такубоку особенно любил Тургенева и Горького.

В самом начале века, когда поэт еще учился в школе, в руки его попала последняя литературная новинка: номер журнала «Утренняя звезда». Журнал этот начал издавать в 1900 году известный поэт Ёсано Тэкан (1873—1935), он умел привлечь к уча-

стию в нем многих замечательных поэтов своего времени. Так возникло «Общество новой поэзии», известное и под другим названием — школа «Утренняя звезда».

Поэтов «Утренней звезды» можно назвать поздними романтиками. Поблек опьяняющий восторг первых открытий, началось заселение новооткрытых поэтических земель. Поздний японский романтизм слабее по своему общественному звучанию: он стремился к освобождению личности, главным образом, в сфере чувств: поэтесса Ёсано Акико (1878—1942) — жена Ёсано Тэканна — создала замечательную любовную лирику. Ее пятистишия пленяют тонкой поэтической фантазией и эмоциональной насыщенностью.

Молодой Такубоку (ему было тогда пятнадцать лет) написал свои первые пятистишия под влиянием поэзии «Утренней звезды». В 1902 году они появились на страницах журнала. Ёсано Тэканн заметил талант молодого поэта, но посоветовал ему писать не пятистишия — танка, а стихи большой формы.

Последовав этому совету, Такубоку начал писать «длинные» стихи. В 1905 году ему удалось издать в Токио с помощью своих земляков сборник «Стремления».

«Стремления» написаны в духе мечтательной романтической поэзии. Это углубленные раздумья о вечности на лоне таинственной природы, голос которой так же непонятен, как звон потонувшего колокола. В книге, правда, выделяется своим энергичным тоном прекрасное стихотворение «Памяти адмирала Макарова»¹. В нем поэт славит память

¹ Исикава Такубоку, Стихи, перевод с японского, послесловие и примечания Веры Марковой, Гослитиздат, М., 1957, стр. 226—229.

«доблестного врага», предчувствуя «зарю неистребимой жизни», которая когда-нибудь будет светить человечеству. Вскоре Такубоку станет убежденным противником войны.

Гражданская чуткость характерна для Такубоку даже в ранние годы юности, когда поэт был еще далек от революции. В 1905 году он писал одному из своих друзей: «Русский броненосец «Потемкин» поднял восстание в Одессе. Радостная весть!»

Книга «Стремления» заслужила благосклонные отзывы ценителей поэзии. Под влиянием модного тогда в Японии ницшеанства юный Такубоку готов был почувствовать себя «исключительной личностью», «избранником», но крайний индивидуализм был у него своего рода защитной реакцией.

Одна из поэтических книг Такубоку называется «Песни о любви к себе». Поэт рано задумался над тем, что такое «я» и что такое «другие». Когда он с некоторым вызовом говорил о любви к себе, то прежде всего утверждал общественную ценность своей личности в мрачную историческую эпоху, губительную для любого честного таланта.

Недаром слово «талант» столь часто встречается в поэзии Такубоку. Есть у него и юношеская повесть «Талант — облако». В понимании Такубоку «талант» — это вовсе не «герой» в ницшеанском смысле, презирающий толпу, это одаренный юноша, который стоит перед глухой стеной косных сил общества. Пытаясь пробить эту стену, юноша легко может «безвозвратно загубить свою жизнь». Талант становится трагическим и напрасным даром судьбы.

Поверив в свой талант, Такубоку бросил среднюю школу за полгода до окончания ее и уехал в Токио.

Там его настигла весть, что отец отрешен от должности и семья лишилась средств к существованию. А между тем уже был назначен день женитьбы на любимой девушке. Такубоку стал теперь единственным кормильцем большой семьи, на его руках родители, жена и младшая сестра.

Поэт возвращается на родину и пробует учительствовать в своей деревне Сибутами. Для него работа учителя — священное дело: учитель как бы сеет искры будущего пламени. Такубоку рассказывал детям о Байроне, Толстом, Горьком, о том, что Россия — замечательная страна... Наступил неизбежный конфликт с школьными рутинерами, калечившими души детей. Такубоку навсегда покидает Сибутами. Отныне он повсюду будет чувствовать себя изгнанником.

В мае 1906 года Исикава Такубоку уехал на остров Хоккайдо, где провел около года в почти непрестанных скитаниях. Этому его северному путешествию посвящен в «Горсти песка» цикл стихов «Те, которых мне не забыть».

Сначала поэт поселился в городе Хакодате, где жил его друг Миядзаки Икуу. Первое время все шло как будто хорошо: Такубоку нашел место учителя, сотрудничал в местном журнале. В школе поэт встретил молодую учительницу Татибана Тиэко и полюбил ее. Он не сказал ей ни слова о своей любви, но долго не мог забыть девушки, дом которой стоит в яблоневом саду («Те, которых мне не забыть», второй раздел).

Вскоре, однако, случилось несчастье: город Хакодате был почти полностью уничтожен пожаром. Поэт переезжает в город Саппоро, оттуда в Отару и, наконец, в самый северный город Японии — Куширо.

Остров Хоккайдо в то время еще только заселялся. Туда уезжали люди, которые на родине не могли прокормиться, — и встречали новые бедствия. Такубоку говорит о переселенцах:

Невесело
На улицах Отару.
Нет, никогда не пели эти люди!
Как грубы
Голоса у них.

И когда Такубоку пишет, что у женщины (той, что сошла с поезда в полночь на станции Кутиан) шрам на виске, эта деталь многозначительна. Кто знает, отчего пришлось этой женщине бежать на Хоккайдо!

Снежные просторы острова, тополя и яблони — все здесь напоминало не японский, а русский пейзаж. В поезде Такубоку читал повесть своего любимого Тургенева, «этого доброго великана».

Работая журналистом в местных газетах и журналах, поэт близко познакомился с жизнью современной Японии. Именно там, на Хоккайдо, сформировалось его революционное мировоззрение.

В Отару он был свидетелем забастовки портовых рабочих и встречался с деятелем демократического «движения простых людей» известным социалистом Нисикава Кодзио.

«Спорили о революции, обсуждали вопросы освобождения личности», — записал в своем дневнике (9 января 1908 г.) Такубоку. В тот вечер к нему пришел, «...ладонью обтирая снег с лица, запорошенного метелью», один из его новых друзей, «сторонник коммунизма».

Но было и другое. В Куширо поэт полюбил молодую гейшу Кояцу. Ей посвящено немало замеча-

тельных строк. Портрет этой девушки, такой доброй и душевной, трагичен: на шее у нее рубец, однажды она уже хотела кончить самоубийством.

Остров Хоккайдо в то время был для Японии такой же экзотикой, как Аляска для американской литературы или Сибирь золотых приисков — для русской. На Хоккайдо неблагоприятные судьбы людей были до предела обнажены.

Среди молодежи царил идейный разброд, некоторые теряли надежду, опускались. «Люди, лишённые цели, собираются, пьют вино», — сказал о них Такубоку в «Горсти песка».

Большой жизненный материал требовал воплощения в искусстве. Творческий импульс и жажда общественной деятельности были в Такубоку слишком сильны, чтобы его могла засосать провинциальная литературная богема. На Хоккайдо Такубоку узнал о том, что в японской литературе появилась «натуралистическая школа». То был, по существу, молодой, ещё не окрепший критический реализм.

«В поисках хлеба насущного я забирался все дальше на север, но даже и там до ушей моих отчетливо донесся голос молодого движения, которое сразу восторжествовало как в идеологии, так и в литературе, — вспоминает Такубоку в своей статье «Стихи, которые можно есть». — Разочарование в поэзии пустых мечтаний и приобретенный мной жизненный опыт помогли мне воспринять дух этого нового движения. У меня возникло своеобразное чувство: точно я откуда-то издалека, с вершины темной горы наблюдаю, как в покинутом мною доме занялся и быстро разгорается пожар... Свободная область прозы! Я еще не знал, о чем буду писать, но

уже, полный смутных замыслов, томился в тоске по небу далекого Токио».

Исикава Такубоку снова решается на смелый шаг. Весной 1908 года он покидает Кусиро, где ценили его литературный талант, едет в Токио и там терпит одно из самых горьких поражений в своей жизни.

Такубоку хотел писать подлинно реалистические романы, на широких прозаических полотнах показать рождение «нови» в Японии.

Запершись в дешевой комнатке гостиницы, он одну за другой написал несколько повестей, и все они оставили у него чувство острой неудовлетворенности, доходившей до отчаяния, до мысли о самоубийстве.

В июне этого же года поэт снова начал писать танка, но уже совсем по-новому. «Танка — моя грустная игрушка», — сказал Такубоку, еще полный горечи своего поражения.

Отныне, продолжая работать как писатель и публицист, Такубоку до самой своей смерти творит пятистишия, которые стали гордостью японской поэзии.

Первая книга пятистиший Такубоку «Горсть песка» вышла в конце 1910 года. Вторая — «Грустная игрушка» — была издана в 1912 году, уже после его смерти. Каждая включает в себя сотни превосходных танка.

Что же заставило поэта-новатора, одного из самых передовых людей своего времени, обратиться к форме старинной миниатюры танка?

«Есть особые мгновения, они не повторяются дважды, — писал Такубоку. — Я с любовью вспоминаю эти минуты. Мне не хочется, чтобы они прошли

напрасно. Лучше всего их можно выразить при помощи такого короткого стихотворения, как танка. «Я пишу танка, потому что я люблю жизнь» («Разговор себялюбца с другом»).

В классической танка был найден принцип, органичный для всего японского национального искусства: уменьше немногими средствами выразить многое. Поэтический образ получал в танка особую валентность. Заслуга Такубоку в том, что он доказал жизнённость этого принципа и для поэзии нового времени.

Разрушая границы между старыми жанрами японской поэзии, он ввел в свои танка многие приемы и образы, характерные для лирических трехстиший (хокку, или, иначе, хайку).

Уменьше выразить свой душевный мир в минуту высочайшей его напряженности через поэтический образ — сигнал, в котором кратко закодировано огромное содержание, было виртуозно разработано именно в хокку. В стихах Такубоку можно встретить характерные для трехстиший образы — сигналы: стон осеннего ветра, крик кукушки... Встречается разработка мотивов, намеченных впервые великими поэтами XVII—XVIII веков Басё и Бусоном.

Но, вобрав в себя богатое наследие прошлого и получив от этого большой размах крыльев, поэзия Такубоку вся была устремлена к будущему. Новая поэзия и звучать должна была по-новому.

Танка родилась из народной песни более тысячелетия назад (ее название и означает «короткая песня»). Концы стихов не заострены рифмой; размер, незыблемо строгий, во многом предопределен строем японского языка. Основа метра — слог, в

танка всего пять коротких стихов (5—7—5—7—7 слогов). Японский язык — многосложный, иногда одно слово — это уже целый стих.

Поэту-новатору было необходимо разрушить инерцию древней формы. Особенно опасны в этом смысле ритм и интонация, которые очень легко «отдают стариной».

В классической японской поэзии понятия «стих» и «строка» не равнозначны. Пятистишие-танка писали в две строки, потом стали писать в одну.

Один из друзей Такубоку поэт Токи Айка (род. в 1885 г.) ввел новшество: он стал делить пятистишие на три строки, чтобы графически выделить ритмико-синтаксические группы, сделать их более «ударными». Такубоку принял такой способ деления. Это позволило ему ввести тонкие ритмические ходы, которые приблизили стихотворную речь к простой, естественной разговорной речи. «Иногда кажется, что он, забывшись, говорит сам с собою, как будто переводит дыхание», — пишет о Такубоку его друг, поэт Вакаяма Бокусуй. Стих Такубоку пульсирует живым ритмом крови, ничего от декламации!

Часто поэт говорит так предельно просто, что кажется, в его стихах нет никакого искусства. Но простота эта обманчива, недаром подражатели Такубоку неизменно терпели неудачу.

Пятистишия Такубоку — книга жизни поэта. Порой это грустные и нежные воспоминания, а иногда беспощадно острый «репортаж времени». Стихи Такубоку в пору расцвета его творчества — это сгустки подлинной действительности.

Исикава Такубоку — мастер психологического самоанализа. Он хочет знать правду о себе, только

правду, проникая в самую суть сложных и часто противоречивых состояний души. Беспощадно, с жестокой иронией он преследует в себе малейшую тень неосознанной фальши, рисовки. Психологический анализ Такубоку предвосхищает многие достижения современной литературы.

Сознание лирического героя в поэзии Такубоку негармонично, оно расколото глубокими трещинами, потому что окружающий мир разорван противоречиями и контрастами, а те действенные силы, которые смогут в будущем восстановить утраченную гармонию, вызревают слишком медленно. «Призывные свистки в густом тумане» — вот так звучат для Такубоку первые голоса революции.

Некоторые пятистишия — это до предела сжатые биографии и портретные характеристики его современников. Такубоку крупным планом показывает что-нибудь одно: например, «белые руки, большие руки» прославленного литературного мэтра. Руки вместо самого человека, но чувствуется, как высокомерно-небрежно способны они смять чужую судьбу. Такубоку не говорит прямо о всей горечи унижения, которую он пережил при встрече с этой «знаменитостью», но где-то между строк спрятано жалящее острие иглы.

Зато какие теплые краски находит поэт, чтобы нарисовать образы, которые близки его душе. Когда Исикава Такубоку пишет о своей любимой, то из глубины прошлого звучит только ее голос. Это психологически верно и раскрепощает воображение: в памяти читателя могут зазвучать знакомые голоса. Иногда достаточно дернуть только за одно звено, чтобы потянулась длинная цепь воспоминаний.

Исикава Такубоку — поэт Севера. Север Японии — край жестоких контрастов. Прекрасны его горы и леса, но тяжела крестьянская нужда, оттого, быть может, в стихах Такубоку с самых ранних дней его юности звучат пронзительно-щемящие ноты грусти, сродни народным песням.

Поэзия Такубоку не статична. В своем высшем взлете она поднялась до высот революционного романтизма и открыла дорогу реализму. Посмертно изданная «Грустная игрушка» — книга смелых поэтических открытий. Такубоку обрел в ней новые ритмы, «точную и нагую речь». Это повесть о неотвратимо надвигающейся смерти, но сумрак все время прорезают, как молнии, мысли о грядущей революции.

Последние годы жизни поэта очень тяжелы. В семье появился туберкулез. Первой заболела его мать. На лечение не было средств. Исикава Такубоку работает корректором в газете даже по ночам, ему приходится возвращаться пешком, когда уже ушел последний трамвай. Нередко денег не хватает даже на проездной билет.

О своей жизни в Токио поэт рассказал в конце книги «Горсть песка» (цикл «Снимая перчатку») и в «Грустной игрушке».

Повесть эта не безотрадна. Больной поэт не теряет связи с окружающим, историческое сознание его остается оптимистичным. Революционное движение в Японии было незрелым, оно находилось в той фазе, которую Россия прошла еще в XIX веке. Поэтому вполне закономерно, что Исикава Такубоку зачитывался Кропоткиным (в «Грустной игрушке» упоминается партийная кличка Кропоткина «Бородин»), увлекался одно время анархизмом и терроризмом. Его влекла к себе романтика жертвенного подвига.

Революционное мировоззрение Такубоку с наибольшей силой выражено им в поэтическом сборнике «Свист и свисток»¹. Одно из стихотворений сборника — «Надгробная надпись» — впервые в Японии рисует образ рабочего-революционера.

В 1910 году произошло событие, которое произвело огромное впечатление на всю Японию. Испугавшись роста революционного движения, правительство арестовало общественного деятеля, публициста и поэта Котоку Сюсуй. Был состряпан провокационный процесс, напоминавший знаменитое дело Дрейфуса во Франции.

24 января 1911 года Котоку был казнен вместе с одиннадцатью другими революционерами, среди которых была одна женщина. Мать Котоку покончила с собой, бросившись на меч.

Казнь революционеров потрясла всех честных людей в Японии и вызвала волну возмущения во всем мире. Исикава Такубоку смог ознакомиться с подлинными судебными документами при помощи своего яруга-адвоката. Гневные статьи поэта не могли быть напечатаны по условиям цензуры.

Под влиянием пережитого им потрясения Такубоку окончательно осознает себя социалистом. Реализм того времени перестает его удовлетворять, поэт ставит ему в вину безыдейность, равнодушное бытописание. Смерть застаёт Исикава Такубоку на пороге большого идейного сдвига. С трудом опираясь на палку, он идет к одному из своих друзей, чтобы высказать новые жгущие его мысли. Конец жизни Такубоку печален: он потерял мать и люби-

¹ Исикава Такубоку, Стихи, Гослитиздат, М. 1957, стр. 203—222

мого маленького сына, но до самой своей смерти поэт оставался участником большой жизни. Он напряженно следил за событиями в Японии, прозревая в них ход большого исторического процесса освобождения человека.

13 апреля 1912 года Япония потеряла одного из лучших своих сыновей. День этот до сих пор ежегодно отмечается в многочисленных кружках любителей поэзии Такубоку.

У каждого народа есть своя «память сердца». Места, где жил или хотя бы побывал любимый поэт, «посвящены» ему; они так и называются: пушкинские, лермонтовские...

Как измерить любовь народа к поэту? Трудно выразить ее в числах, но больше всего памятных камней со стихами (в 1962 г. их было девятнадцать) воздвигнуто в честь Исикава Такубоку, и это одно говорит о его огромной популярности.

Камни со стихами Такубоку стоят и в его родной деревне, на берегу реки Китаками, «где так мягко ивы зеленеют», и в городе Мориока, где он учился, и на самой далекой окраине северного острова Хоккайдо — в городе Куширо, где «белым-белым блеском сверкают льды...», и возле горы Акан, некогда возникшей перед глазами поэта «как видение божества».

Ока Кунио, один из исследователей творчества поэта, вспоминает в своей книге «Молодой Такубоку»:

«Дело было весной, лет тридцать тому назад. Я работал тогда в одной школе, и мне пришлось следить за порядком во время вступительных экзаме-

нов. Письменную работу задали на тему «Мать». Стараясь ступать как можно тише, я ходил вдоль длинного ряда столов, за которыми сидели экзаменующиеся. Один из них что-то быстро строчил карандашом. Я незаметно взглянул на ходу. Он написал стихотворение Такубоку:

Вы перед глазами у меня,
Берега далекой Китаками,
Где так мягко ивы зеленеют,
Словно говорят мне:
«Плачь!»

«Плохо, не на тему!» — подумал я, невольно остановился за спиной мальчика и начал читать дальше:

«Когда я был маленьким, моя мать гуляла со мной на берегу реки Китаками, тихим голосом напевая мне эту песню...»

Экзаменующийся пытался при помощи стихов, которые он впервые услышал на берегу реки Китаками, нарисовать образ своей матери... Наверно, она любила стихи Такубоку и сумела передать эту любовь одному из людей младшего поколения — своему сыну. Популярность Такубоку растет не только вширь, как пятно от пролитого масла на бумаге, она передается в ходе времени от одного поколения к другому»¹.

Множатся издания стихов и прозы Такубоку, книги о нем: популярные очерки, повести о его жизни, альбомы фотографий и монументальные

¹ Ока Куньо, Вакаки Исикава Такубоку, изд. «Бунри сётэн», Токио, 1961, стр. 7—9.

труды исследователей. Создаются маршруты путешествий по местам, воспетым Такубоку.

Особенно любит его поэзию молодежь: ведь он сам умер молодым, как Шелли, Лермонтов, Есенин, и остался в памяти народа «вечным юношей». На песчаном берегу моря, возле города Хакодатэ, воздвигнут памятник поэту. Юноша сидит в глубоком раздумье. Быть может, он только что начертил на песке иероглиф «великое»...

В. МАРКОВА

ГОРСТЬ ПЕСКА

ПЕСНИ О ЛЮБВИ К СЕБЕ

* * *

На песчаном белом берегу
Островка
В Восточном океане
Я, не отирая влажных глаз,
С маленьким играю крабом.

* * *

Не позабыть ее!
Ту девушку,
Что, слез не осушая,
Мне показала
Горсть песка.

* * *

Перед огромным морем
Я один.
Уже который день,
Как только к горлу подступают слезы,
Из дома ухожу.

* * *

Изъеденный ржавчиной
Пистолет
Нашел я случайно,
Пальцами разгребая песок
Сыпучей дюны.

* * *

Промчалась буря
И за ночь одну
Песчаный холм
Высоко намела.
Могилу... Для кого?

* * *

По сыпучим пескам холмов
Я долго полз,
Как пластун,
Вспоминая далекую боль
Первой моей любви.

* * *

Волнами прибит
К подножью холма
Дерева сломленный ствол.
Стою на нем и гляжу вокруг.
Пытаюсь найти слова.

* * *

О, как печален ты,
Безжизненный песок!
Едва сожму тебя в руке, —
Шурша чуть слышно,
Сыплешься меж пальцев.

* * *

Там, где упала слеза,
Влажное
Зерно из песчинок.
Какой тяжелой ты стала,
Слезая!

* * *

Сто раз
На прибрежном песке
Знак «великое» я написал,
И, мысль о смерти отбросив прочь,
Снова пошел домой.

* * *

Я матери портрет нарисовал.
Лицо, залитое слезами.
Комок земли
На лбу оставил след.
Сама печаль.

* * *

Проснувшись, долго не встаю.
Лежу с открытыми глазами.
Привычка детских лет,
Печальная привычка...
Не упрекай меня!

* * *

Под вечер без огня сидел я,
И вдруг гляжу:
Выходят из стены
Отец и мать,
На палки опираясь.

* * *

Я в шутку
Мать на плечи посадил,
Но так была она легка,
Что я не мог без слез
И трех шагов пройти!

* * *

Словно где-то
Тонко плачет
Цикада...
Так грустно
У меня на душе.

* * *

Без цели
Я из дома выхожу,
Без цели
Возвращаюсь.
Друзья смеются надо мной.

* * *

Будто в темную яму,
Втянуто сердце...
Падает,
Падает вниз.
Усталый, я засыпаю.

* * *

Когда бы найти
Такую работу,
Чтоб стало на сердце легко.
Закончить ее —
И потом умереть.

* * *

В тесном углу
Трамвая, набитого до отказа,
Сжимаюсь в комок.
Как жалок я сам себе
Вчера, и сегодня, и каждый вечер!

* * *

Ночное веселье
В парке Асакуса.
Вмешался в толпу.
Покинул толпу
С опечаленным сердцем.

* * *

Слезы, слезы, —
Великое чудо!
Слезами омытое
Сердце
Снова смеяться готово.

* * *

С досадой
Мать окликнула меня,
Тогда лишь наконец заметил:
По чашке палочками
Я стучу, стучу...

* * *

Лежу на траве.
В голове ни единой мысли.
Уронив помет мне на лоб,
Птица
Играет в небе.

* * *

Ухом прильнул я к стволу
Высокого дерева.
Долго-долго
С него я сдирал
Полосы жесткой коры.

* * *

«И из-за этого
Умереть?»
«И ради этого
Жить?»
Оставь, оставь этот спор.

* * *

Когда как редкий гость
Приходит в сердце
Тишина,
Легко мне слушать
Даже бой часов.

* * *

Я взошел
На вершину горы.
Шапкою помахал,
Сам не знаю кому.
Снова спустился вниз.

* * *

А где-то спорят люди:
Кто вытащит
Счастливый жребий?
И мне бы с ними
Потягаться.

* * *

Я в дом пустой
Вошел
И покурил немного...
Мне так хотелось
Одному побыть.

* * *

Хотел бы я в гнѣве
Вдребезги вазу разбить!
Сразу разбить
Девяносто девять —
И умереть.

* * *

Перед лавкой зеркал
Я вдруг удивился...
Так вот я какой!
Обтрепанный,
Бледный...

* * *

Не знаю отчего,
Я так мечтал
На поезде поехать.
Вот — с поезда сошел,
И некуда идти.

* * *

Зарыться
В мягкий ворох снега
Пылающим лицом...
Такой любовью
Я хочу любить!

* * *

Словно я проснулся
От долгого,
От столетнего сна.
Захотелось зевнуть —
И не думать.

* * *

Белые руки,
Большие руки...
Все говорят про него:
«Какой он необычайный!»
И вот — я встретился с ним.

* * *

С легкой душой
Хотел я его похвалить,
Но в сердце самолюбивом
Глубоко таилась
Печаль.

* * *

Льется дождь —
И в доме моем
У всех
Такие туманные лица...
Хоть бы дождь скорей перестал!

* * *

Прошла веселая пора,
Когда любил я
Вдруг постучать
В чужую дверь,
Чтоб выбежали мне навстречу.

* * *

Вчера держался я на людях
Как избранный
Властитель дум.
Но после на душе —
Такая горечь!

* * *

Непригодный к делу
Поэт-фантазер,
Вот что думает он про меня.
И у него-то, как раз у него,
Мне пришлось попросить займы.

* * *

Подумал я:
«Умереть —
Все равно
Что лекарство выпить».
Так щемило сердце...

* * *

Словно дракон,
Пляшет в пустынном небе
Дым
И вдали исчезает,
Не устаю глядеть.

* * *

«То хорошо
И это хорошо!» —
Иные люди говорят.
Завидна мне
Такая легкость духа.

* * *

Есть беззаботная усталость.
Завидую тому, кто целый день,
Дыханья не переводя,
Работает...
Потом легка усталость.

* * *

Когда приходится служить
Капризным
Наглым самодурам,
Как страшен
Кажется весь мир!

* * *

Застыли палочки в руке.
Я вдруг подумал:
«Так, значит, наконец
К порядкам, заведенным в мире,
Я тоже исподволь привык!»

* * *

Как весело слушать
Могучий гул
Динамо-машины.
О, если б и мне
Так с людьми говорить!

* * *

Как, впитывая воду
До отказа,
Морская губка тяжелеет,
Так чувство тяжести
В душе моей растет.

* * *

Прочел я утром письмо
Стареющей в девушках
Младшей сестры.
Не знаю сам, почему между строк,
Казалось, читал я посланье любви.

* * *

Просто так, ни за чем
Побежать бы!
Пока не захватит дыханье,
Бежать
По мягкой траве луговой.

* * *

Была ль это просто шутка?
Он неожиданно сделал вид,
Что хочет ножом заколоться...
Но лицо,
Но его лицо!

* * *

Как хорошо он смеется,
Этот юноша.
Если б он умер,
В целом мире
Стало б немного грустней.

* * *

Из дому выйду,
Словно очнусь.
Ведь есть же где-то теплое солнце...
Глубоко,
Полной грудью вздохну.

* * *

Измученный вол... С губы
Длинной струйкой
Бежит на землю слюна,
И кажется, не иссякнет
За тысячи тысяч лет.

* * *

«Пусть сгинут все,
Кто хоть единый раз
Меня заставил
Голову склонить!» —
Молился я...

* * *

Было двое друзей у меня,
Во всем на меня похожих.
Умер один.
А другой
Вышел больным из тюрьмы.

* * *

Вдруг
Тихий разговор
Стал громче, громче...
Раздался выстрел.
Жизнь оборвалась.

* * *

Порой на меня найдет —
Дурачусь,
Как малое дитя...
Нет, я не похож
На того, кто любит.

* * *

Что они делают здесь,
Эти люди?
С тревогой на лицах
Тяжелым ломом
Все бьют и бьют.

* * *

О друг мой,
Нищего не укоряй
За то, что так жалок он.
Голодный,
И я на него похож.

* * *

Раскрыл всю душу
В разговоре...
Но показалось мне,
Я что-то потерял,
И я от друга поспешил уйти.

* * *

Работай,
Работай! Что из того?
Жизнь не становится легче...
В упор гляжу я
На руки свои.

* * *

Хрустальный шар —
Вот все, чего хочу!
Чтоб был передо мной
Большой хрустальный шар,
Когда я думаю о людях.

* * *

Влюбленному другу
Поддакивал я
С таким затаенным чувством,
Будто милостыню
Бросаю ему.

* * *

Не знаю отчего,
Мне кажется, что в голове моей
Крутой обрыв
И каждый, каждый день
Беззвучно осыпается земля.

* * *

Сегодня тоскливый день.
В ушах у меня
Все время
Звонит, звонит
Далекий трамвай.

* * *

Отряд марширующих солдат.
Я долго
На них глядел.
Как!
Ни тени печали на лицах?

* * *

Кажется мне порой,
Что сердце мое
Похоже на хлеб,
Только что вынутый
Из печи.

* * *

«Тантара-тара,
Тантара-тара», —
Стучат, стучат в голове,
Падая с крыши,
Капли дождя.

* * *

Свежей бумагой
Оклеили сѣдзи
В доме...
Словно тяжесть
Спала с души.

* * *

«Я больше так не могу!»
Но только
К двери я подошел,
На улице
Громко заржала лошадь.

* * *

Не помня себя
Я выбежал в коридор.
Дверь на улицу с маху рванул.
Но что, если б сразу
Она отворилась?

* * *

Красные, черные
Вбирала в себя чернила
И после сохлась
В твердый комок
Эта морская губка.

* * *

Вечером вдруг
Захотелось мне написать
Длинное, длинное письмо,
Такое,
Чтоб все меня полюбили...

* * *

Бледно-зеленое —
Выпьешь
И станешь прозрачным,
Словно вода...
Если б такое найти лекарство!

* * *

Опостылело мне
На эту мертвую лампу
Глядеть.
Уж третью ночь
Греет меня огонек свечи.

* * *

Слова,
Неведомые людям...
Вдруг показалось мне —
Я знаю их
Один.

* * *

Я сердце новое себе искал
И вот сегодня
Один бродил
По улицам глухим...
Я и названья их не знаю.

* * *

Из головы нейдет:
Насколько меня умнее
Все мои старые дружки!
Купил цветы.
Тихий вечер наедине с женой.

* * *

Но почему я здесь?
Зачем я здесь?
На комнату мою
Гляжу
С недоумением.

* * *

Найти бы уголок такой,
Где было б радостно
Мне ждать рассвета.
О доме вспомню —
Холодеет сердце.

* * *

Хотел бы я чудо свершить
Небывалое... Что? Видали?
Как все удивятся ему!
А я в этот миг
Исчезну.

* * *

В сердце у каждого человека —
Если вправду
Он человек —
Тайный узник
Стонет...

* * *

Ребенка побранят,
И он заплачет.
О сердце детских дней
Далекое...
Как мне тебя вернуть?

* * *

Как брошенная женщина,
Печален,
Не по-мужски
Я духом слаб.
Такой сегодня день.

* * *

На камни двора
С размаху
Швырнул я часы.
Как быстро мой гнев
Разгорался в те дни!

* * *

Есть женщина.
Она во всем покорна.
Мои желанья ловит на лету.
А мне...
Мне больно за нее.

* * *

Как сердцем вы робки,
О женщины страны,
Где солнце всходит!
С какою горечью я вас бранил
Под шум дождя осенней ночью.

* * *

Я мужем был рожден,
Я другом был мужам
И — побежден в борьбе.
Вот почему так глубоко сейчас
Мне в сердце проникает осень.

* * *

«Всё деньги, деньги!» —
Засмеялся я.
И что ж! Всего через минуту
Поймал себя на том,
Что думаю о них.

* * *

Прямая улица уходит вдаль.
Сегодня я почувствовал
Недаром:
На эту улицу
Я вышел наконец.

ДЫМ

I

* * *

Сегодня с силою
Внезапного недуга
Нахлынула по родине тоска.
Как грустен этот дым
На синих небесах!

* * *

Чуть слышно я себя
По имени окликнул,
И слезы брызнули...
Четырнадцать мне было
В ту невозвратную весну!

* * *

В синем небе
Тающий дым,
Одиноко вдали исчезающий дым,
Ты кого мне напомнил?
Меня самого?

* * *

Я ехал в поезде,
И вдруг —
В кондукторе вагона я узнал
Товарища
Далеких школьных лет.

* * *

Вода струей
Из насоса бьет...
Гляжу — и легко на душе.
Я мальчиком стал —
На короткий миг.

* * *

Все бранили:
Наставники и друзья.
Ничего не знали они.
Было для них загадкой,
Отчего я вдруг в ученье отстал.

* * *

Из класса нашего в окно
Я выскочил и долго-долго
Лежал один
Там, в вышине,
В тени разрушенного замка.

* * *

Густой травой поросли
Развалины замка Кодзуката.
Я лег на траву
И на небо глядел...
И небо меня унесло.

* * *

Если спросят,
Что такое печаль?
Я скажу:
«Это вкус запретных плодов».
Слишком рано его я узнал.

* * *

Мне всегда хотелось свистеть,
Лишь, бывало,
На ясное небо взгляну.
О, как весело
Я свистел!

* * *

И ночью во сне
Продолжал я свистеть.
Был свист
Моей песней
В пятнадцать лет.

* * *

Один учитель
Нас крепко бранил,
Жидкой тряся бороденкой.
А мы прозвали его козлом.
А мы передразнивали его.

* * *

Здорово вместе со мною
Камнями швырял в воробьев
Мой однокашник,
Сынок
Армейского капитана.

* * *

Мой друг
Потом покинул меня,
Но мы играли с ним
В те года,
Мы книги читали вдвоем.

* * *

В гуще осенних трав
За школьною библиотекой
Было много желтых цветов.
Но как их зовут?
И теперь не знаю.

* * *

Едва осыплются вишни,
Первым в школе
Я надевал
Белую летнюю форму...
Неужели это был я?

* * *

Еще хоть единый раз
К перилам балкона
Прижаться,
Там, в старой школе моей,
В городе Мориока.

* * *

В тени каштана
На краю дороги
С товарищем моим я жарко спорил.
Он уверял меня,
Что боги есть!

* * *

Неугасимую жаждой знанья
Горели мои глаза.
Сестра спросила в тревоге:
«Ты, верно,
Кого-нибудь полюбил?»

* * *

Книги Сохо
Давал мне читать
Один мой товарищ...
Рано
Из школы бедность его прогнала.

* * *

Помню,
Учитель рассказывал нам,
Как жизнь свою безвозвратно
Загубил один человек...
Он был слишком талантлив!

* * *

Западным ветром унесены,
Падали листья вишен
На улице Утимару...
Любил я
Их шорох сухой под ногами.

* * *

Словно камень,
Скатился
С высокой горы,
Так упал я
В сегодняшний день.

* * *

В глазах мальчишки
Зависть жила.
Вон птица летит.
Летит —
И поет.

* * *

В нашем классе
Первый лентяй, —
Как упорно
Теперь
Работает он.

* * *

Деревенский простак! —
Вот как выглядел друг мой
В столице.
Трех дней не прошло,
Он вернулся домой.

* * *

По сосновой аллее
Барадзима
Молодая девушка шла со мной.
Она так верила
В свой талант!

* * *

Когда болели глаза,
Черные надевал я очки.
Вот тогда-то я научился
Плакать так,
Чтоб не видел никто.

* * *

Рано,
Слишком рано узнал я
Силу любви и ее печаль.
Слишком рано
Состарился я.

* * *

Заветное было желание
У жены моей:
Пенью учиться.
Больше
Она не поет.

* * *

Сердце мое, ты опять
Втайне плакать готово!
Все друзья мои
Разбрелись,
Каждый своей дорогой.

* * *

Сегодня пришла мне на память
Та ночь,
Та далекая ночь,
Когда я другу впервые
Рассказал о своей любви.

* * *

Точно нить порвалась
У воздушного змея.
Так легко, неприметно
Улетело прочь
Сердце дней моих юных.

II

* * *

Как сердцу мил
Родной деревни говор!
На станции
В толпу вмешался я,
Чтоб только поскорей его услышать.

* * *

Сердце мое
Словно раненый зверь.
Но только с родины вести придут,
Станет ручным,
Утихнет.

* * *

Подумать только,
Ведь уже три года
Я щебета не слышал воробьев!
В деревне
Каждый день его слышал я.

* * *

Мне в руки попался
Старый учебник
По географии...
Умер учитель,
Который когда-то его подарил.

* * *

Когда-то
Мяч я забросил
Вон туда,
На дощатую крышу
Начальной школы моей.

* * *

Груды камней
У деревенской дороги...
Верно, и в этом году
В высокой траве
Утонули.

* * *

Как с маленькой сестренкой
Расстаться было жаль!
Она просила, плача:
«Я с красными шнурами
Сандалии хочу!»

* * *

Два дня тому назад
Я видел горы на картине.
И вдруг — сегодня утром
Передо мной, как будто наяву,
Мои родные горы...

* * *

Запела флейта
Продавца амэ...
Я вновь тебя нашел,
Потерянное сердце
Детских лет.

* * *

Эти дни
Моя мать
Вспоминает деревню
Все чаще...
На пороге осень.

* * *

Сам собой, неприметно
Возвращался к деревне
Разговор...
Запах жареных моти
Осенней ночью.

* * *

Чтоб б ни случилось со мной,
Я не забуду тебя,
Деревня моя Сибутами!
Со мною горы твои!
Со мною реки твои!

* * *

Поля продают,
Дома продают,
Пьют вино беспробудно...
Так гибнут люди в деревне моей.
Что ж сердце тянется к ним?

* * *

Как горько слышать мне,
Что эти дети,
Еще вчера мои ученики,
Уж скоро тоже
Родину покинут!

* * *

Когда на чужбине
Я встречу детей
С моей родной стороны,
То нет на свете печали такой,
Чтоб радость мою победить!

* * *

Бежал я
Из деревни прочь,
Как будто бы меня
Камнями гнали...
Не затихает эта боль.

* * *

Вы перед глазами у меня,
Берега далекой Китаками,
Где так мягко ивы зеленеют,
Словно говорят мне:
«Плачь!»

* * *

Жена
Деревенского врача.
Все в ней прекрасно,
Даже скромный узел волос,
Туго заколотых гребнем.

* * *

Во время праздника Бон,
Помню,
Девушка мне сказала:
«Надень мое кимоно
И пляши!»

* * *

Как Санта жаль, беднягу!
Брат с придурью,
Отец — калека,
А он за книгами
Все ночи напролет.

* * *

Гнедого жеребца
Я лихо погонял.
Мне помогал один приятель...
Он рос без матери
И воровать привык.

* * *

Накидка в крупных
Красных цветах.
Будто сейчас их вижу!
Шестилетнего мальчика
Любовь.

* * *

Даже имя его
Позабыто,
А он вернулся
В деревню свою,
И бьет его кашель надсадный.

* * *

Старший сын
Помещика Гокудо
Болен чахоткой, я слышал.
В день его свадьбы
Весенний гром.

* * *

Своего Содзюро
О-Канэ
Слезно молит не пить.
Вечер...
Редька в белом цвету.

* * *

Слух вдруг прошел:
Писарь из сельской управы —
Смирный такой —
Своротил с ума.
Осень в глуши.

* * *

Я пошел к нему,
За руку взял...
А он заплакал вдруг и утих,
Мой старый школьный товарищ,
Буянивший во хмелю.

* * *

Здесь раньше жил один учитель.
Напившись,
Он с ножом гонялся за женой
И прогнан из деревни был
С позором.

* * *

Год от году
Чахотка
Все больше косит людей...
Приехал в деревню
Врач молодой.

* * *

Светляки!
Я хотел их ловить
Над рекой,
А она меня
В горы звала.

* * *

Я с ним не дружил,
Не играл,
С этим сыном злого жандарма,
А теперь
И о нем вспоминаю с тоской.

* * *

Как светлы и верны
Мысли мои в то утро,
Когда с моей родины
Вести
Приходят.

* * *

Вдруг припомнилось мне,
Как падали, падали капли дождя
На светло-лиловые цветы
Картофеля...
Дождь в столице.

* * *

Моя ностальгия,
Как золото,
В сердце сияет,
Чиста,
Не покидая меня.

* * *

Сегодня услышал я,
Та несчастная вдова
Продает
Тело свое
Для грязной любви.

* * *

На туманной равнине Кома
Возле станции
Утром цикады звенят...
Кто мне скажет
Зачем?

* * *

Был у нее тогда
Сильный,
Как у мужчины, дух.
Где-то она?
О чем ее думы теперь?

* * *

Ветку азалии белой
Ты сломала
В моем саду.
Чуть-чуть светил
Тонкий серп луны.

* * *

Когда в вагонном окне,
На севере, там, на краю небес,
Родные горы мои
Вдруг появились передо мной,
Как тесен мне стал воротник!

* * *

На родную землю
Ступил я.
Стали сами собой
Ноги мои легки,
Стало тяжелым сердце.

* * *

Едва я в деревню свою вошел,
Сердце вдруг защемило.
Не узнать этой улицы:
Так широка!
А вот новый мост построен.

* * *

Вот незнакомая мне
Учительница стоит
У раскрытого настежь окна,
Там,
В старом классе моем.

* * *

В этом доме,
В этом окне
Я и Хидэко вдвоем
Слушали, как весенней ночью
Не смолкает лягушек хор.

* * *

Меня называли
«Сыном богов».
Как больно об этом вспомнить,
Вернулся в деревню —
И слезы бегут.

* * *

По дороге
От станции к деревне
Поднял камешек я с земли,
Под каштаном,
На речном берегу.

* * *

Я гляжу
На родные горы мои
И не в силах слова сказать.
Так прекрасны
Родные горы мои!

ПОД ПРИВОЛЬНЫЙ ШУМ ОСЕННЕГО ВЕТРА

* * *

Небо родины,
Как ты далеко!
Я поднялся один
На высокую кровлю
И, печальный, спустился вниз.

* * *

Хотел бы положить я в изголовье
Жемчужину печали,
Сквозящую прозрачной синевой,
И слушать до утра,
Как стонут сосны...

* * *

Божественной печали полны,
Криптомерии на горе Нанаяма
Пламенем вдруг запылали.
Солнце заходит.
Тишина.

* * *

Словно на грани исчезновенья,
Тонет в сумерках вечера
Все вокруг.
Отовсюду
Печаль наплывает,

* * *

«Тот, кто прочтет ее,
Познает скорбь!» —
Так он сказал
И в пламя бросил книгу.
Мудрец, ты сделал хорошо!

* * *

Лужа воды.
Темнеет в ней
Вечернее небо,
Пурпурные ленты плывут...
Осенний дождь отшумел.

* * *

Начало осени
Как свежая вода.
Омывшись в ней,
Все мысли
Обновятся.

* * *

Грустный,
На холм взошел я.
Вдруг вижу:
Стаи птичек клюют
Красные ягоды терна.

* * *

Перекресток осенний.
Промчался
Сразу по трем дорогам
Ветер —
И скрылся вдали.

* * *

Осени голос.
Сначала,
Еще незримая,
На ухо шепчет...
Грустный обычай.

* * *

Привычная для взгляда
Гора.
Но только осень придет,
С тайным трепетом смотришь,
Не там ли боги живут?

* * *

Сегодня приснилось мне,
Что в галерее нашего храма
Я ногой наступил
На гребень,
Украшенный легким мотыльком.

* * *

С тихим шелестом
Сыплется дождь,
Гляжу
На мокрые камни двора.
Слезы высохли на глазах.

* * *

Я снова такой,
Как в юные дни.
Я думаю:
«Если б друга найти,
Чтоб все ему рассказать».

* * *

Шорх-шорх,
Листья проса зашелестели.
Как в деревне
Хорошо под застрехой,
Когда осенний ветер подует!

* * *

Между плеч,
Задевающих друг друга,
В толпе я на миг увидел ее.
Даже это
В дневник записал я.

* * *

И теперь, как бывало,
Светский ветреник,
Спящий на изголовье
Переплетенных яшмовых рук,
За ночь одну стареет...

* * *

О, хоть на время
Позабыть!
Так тонут
Весною камни мостовой
В траве.

* * *

Словно когда-то
В своей колыбели
Я видел ее
Во сне,
Так мне она мила.

* * *

Пора десятой луны,
И вспоминается мне,
Как осветило утро
Снежные брови
Горы Иватэ.

* * *

Солнце,
А дождь шелестит.
Переплелись
В саду
Ветки цветущих хаги.

* * *

Осеннее небо,
Пустое от края до края...
Ни тени не видно на нем.
Как ты одиноко, небо!
Хоть ворон бы пролетел!

* * *

После дождя
Луна.
Мокрые черепицы
Крыш
Мерцают печальным блеском.

* * *

В день, когда голодал я,
Ко мне, виляя тонким хвостом,
Голодная подошла собака
И морду ко мне подняла.
Стало немного легче.

* * *

Сверчок звенит в траве.
Сижу один
На камне придорожном.
Смеясь и плача,
Сам с собою говорю.

* * *

С тех пор
Как заболел я
И ослаб,
Привык я спать
С полуоткрытым ртом...

* * *

Я так люблю ее мягкий взгляд,
Поднятый на меня
С упреком.
Что же, в эту минуту
Быть мне особенно суровым?

* * *

Как будто встретился я вновь
С давным-давно
Забытым другом...
Так радостно мне слушать
Шум воды.

* * *

О, если б на этом
Стальном
Небе осенней ночи
Огнем дышала
Гора.

* * *

Словно отец,
Осень сурова,
Словно мать,
Осень добра —
Для бесприютного сына.

* * *

Гора Иватэ...
Как, должно быть, теперь
Цикады звенят
С трех сторон
У ее подножья.

* * *

Осень настала.
Тревога любви
Не отпускает ни на минуту...
Не спится всю ночь.
Крики диких гусей.

* * *

«Долгий месяц» уже на исходе,
До каких же пор,
Словно мальчик,
В плену у нее,
Я вырваться буду не в силах?

* * *

Незабудки.
Как много
Имя сказало!
Мне прислала их та,
Что молчит.

* * *

Ветер в соснах
Шумит, шумит
Над забытым людьми
Горным храмом,
Шепчет в уши каменному коню.

* * *

Легкий запах
Прели в лесу,
А порой потянет
И духом грибным...
Близится поздняя осень.

* * *

Словно дождь зашумел
На вершинах леса.
Пронеслись обезьяны.
До чего же они
На людей похожи!

* * *

Чаша леса.
Далекий стук...
Словно попал я в страну,
Где карлики в дуплах деревьев
Пестиком рис толкут.

* * *

В начале были леса,
Всюду были леса.
Полубоги
В них хранили
Огонь.

* * *

Без конца и без края
Тянутся мертвые пески.
Бог,
Живущий в пустыне Гоби,
Это, верно, осени бог.

* * *

Лунный свет
И моя тоска
Переполнили небо и землю,
Обратились
В осеннюю ночь.

* * *

Грустные звуки ночные
Скупно падають в тишине.
Я самото броджу,
Словно их підбираю
Один за другим с земли.

* * *

Как, вернувшись в деревню свою,
Засыпает
Усталый странник,
Так спокойно, так тихо
Зима подошла.

ТЕ, КОТОРЫХ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

I

* * *

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядкою дюн,
Цветешь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?

* * *

Я посчитал
Свои немногие годы.
На пальцы взглянул —
И ехать вдаль
Разохотилось мне.

* * *

Три раза на него
Я из окна вагона
Оглянулся...
Казалось добрым старым другом
Название города в тот миг.

* * *

Ухо порезал мне бритвой
Ученик парикмахера
В Хакодате.
А вспомню о нем —
И тепло на сердце.

* * *

Сюда,
За мною следом,
Приехали жена и мать.
Живут в чужом краю,
Где ни души знакомой.

* * *

Молодая учительница...
Как уныло
Поблескивала у нее
Золотая оправа
Очков.

* * *

Друг мой
Кормил меня.
А я
Не смолчал перед ним, не стерпел.
Несчастный мой нрав!

* * *

О, как любила она,
Запах
Колосьев пшеницы!
Глядя на брови ее,
Сердце я потерял.

* * *

Хакодатэ...
Дом мой
На Ивовой улице,
Друга стихи о любви.
Цветы васильков.

* * *

«Утро! Утро!» —
Звенела
Простая китайская песенка.
Как любил я
Этот будильник!

* * *

Хакодатэ.
Каменная плита
На склоне горы «Лежачий бык».
Стихи на могильном камне
Я не совсем еще позабыл.

* * *

Бормоча, бормоча про себя
Обрывки
Священных слов,
Нищий
Скитался по городу...

* * *

В горах он скрылся,
Словно сказал:
«Я ничтожнейший из ничтожных».
Этот друг мой,
Душою равный богам.

* * *

В тумане ночном,
Блестя огоньком папиросы,
Там, где волны
Бились о берег,
Долго стояла женщина.

* * *

Словно гляжу я
На стремнину большой реки,
О друг мой Икуу,
Когда я думаю
О твоих тревогах.

* * *

Напрасные дары:
Высокий ум
И благородство духа,
А руки связаны...
Так начал пить мой друг.

* * *

Люди, лишённые цели,
Собираются,
Пьют вино...
Стал для них желанным приютом
Мой дом.

* * *

Мой старший друг говорил:
«Когда мне грустно,
Я громко смеюсь!
Заливаю вином
Тоску».

* * *

В самую полночь
На станции Кутиан сошла
Женщина...
Старый шрам
Белел у нее на виске.

* * *

Ворошит тополя,
Шуршит
В аллеях акаций
Осенний ветер...
Запись в моем дневнике.

* * *

Невесело
На улицах Отару.
Нет, никогда не пели эти люди!
Как грубы
Голоса у них.

* * *

Смолоду
На плечах семья.
А он, захмелев, поет,
Словно нет у него
Детей.

* * *

Я подавил зевок.
Мы простились
Через окно вагона.
Слишком часто
Теперь я прощаюсь...

* * *

На мокром окне
Блеснула
Россыпь цветных огоньков,
И город в горах
Пронесся мимо.

* * *

«Покажите руку!» —
Гадатель сказал.
Головою
Он тряс,
Словно плакал...

* * *

Нет, я не гордился ими,
Даже втайне перед собой,
Когда поделки
Кропал,
Чтобы как-нибудь перебиться...

* * *

«Словно в сгусток
Мятежного духа
Превратилось все без остатка
Исхудавшее тело твое!» —
Так мне однажды сказали.

* * *

«Ударю!» — говорили мне.
Я отвечал:
«Ударь!»
О если б снова стать таким,
Как в прежние года.

* * *

Увы! Тот юноша
С прекрасными бровями
Чуть усмехнулся краем губ,
Когда его назвал я
Младшим братом.

* * *

Ладонью
Отирает снег
С лица, запорошенного метелью,
Товарищ мой,
Сторонник коммунизма.

* * *

«Как мне бездействие противно
Застывшего в своих порядках мира», —
Так я сказал, —
И с этих пор
Живет в душе мятежная тоска.

* * *

И вдруг — на бледной
До синевы щеке
Слеза блеснула.
О смерти говорил
Торговец молодой.

* * *

Я друга,
Как врага, возненавидел,
Но долго-долго
Руку жал ему,
Когда настал разлуки час.

* * *

Летел навстречу мокрый снег,
И по равнине Исикари
Наш поезд мчался сквозь метель.
Я в этом северном просторе
Роман Тургенева читал.

* * *

«Покурить бы, да табачок забыл», —
Не выходит из головы.
Едешь, едешь,
Кругом только горы.
Лишь заснеженные поля.

* * *

Застылый пар
На вагонном окне
Стал облаком
Лепестков
Цвета солнечного восхода.

* * *

Бушует вихрь,
А за ним
Проносится в пляске
Сухой снежок,
Окутывая леса.

* * *

Погребена под белыми снегами
Река Сорати,
Даже птиц не видно.
Лишь на глухом лесистом берегу
Какой-то человек стоит один.

* * *

Здесь с одиночеством
Враждуя и дружа,
Среди снегов,
В краю забытом люди
Живут весь долгий-долгий век.

* * *

Название станции объявлял
Молодой дежурный так,
Словно пел.
Ласковые глаза его
Я и сейчас забыть не могу!

* * *

Я на последней станции сошел.
Светло от снега...
В городок глухой
Иду я
Тихими шагами.

* * *

Белым-белым блеском
Сверкают льды.
Чайки кричат.
Над морем Куширо
Зимняя ледяная луна.

* * *

Только голос,
Только глаза
Остались прежними у него.
Я встретился снова с другом своим
В самом дальнем углу страны.

* * *

Так сердце у нее
Болело за меня,
Когда я слишком много пил,
Что даже петь
Она была не в силах...

* * *

Все позабыть не могу я,
Какие нежные
Мочки ушей
Были у юной певицы...
Кояцу звали ее.

* * *

Прижавшись к моему плечу,
Среди снегов
Она стояла ночью...
Какою теплою
Была ее рука.

* * *

«Скажи, ты не хотела б умереть?» —
Я девушку спросил.
«Взгляни сюда!» —
Ответила она
И показала мне рубец на шее.

* * *

«Пляши!» — приказали ей.
Она поднялась и плясала,
И вдруг,
Одурманенная плохим вином,
Бессильно упала на пол.

* * *

Но даже когда изголовьем
Мне служат колени ее,
Сердце, о мое сердце,
Ты только частица меня,
Меня, пленника мысли...

* * *

На дальней
Глухой окраине
Я пил вино...
Словно отстой
С самого дна моей печали.

* * *

С хрустом и шорохом
Плыли льдины в волнах.
Лунной ночью
Я шел по морскому берегу —
К ней и вновь от нее.

* * *

«Это к счастью! Смотрите!
Лопнула на сямисэне струна!» —
Гейша кричала,
Как будто пожар...
За окном метельная ночь.

* * *

Как видение божества,
Вдали появилась
Гора Акан.
На вершине
Снежный рассвет.

* * *

«В моем родном краю
Бросилась
Девушка в воду», —
Пела гейша под сямисэн
В сумерках зимнего вечера.

* * *

В комнате у меня
Тихо плакала
Женщина...
Вспомню,
Как будто в романе читал.

* * *

Северные скитанья мои...
Словно дрожащим голосом
Долго-долго
Я пел:
«Волны моют песок».

II

* * *

Во сне твой голос
В ушах прозвучал.
Как давно
Я слышал его!
Сам не помню когда...

* * *

Как путник,
Озябший на ветру,
У встречного спрашивает дорогу,
Так, только так
С тобой говорил я,

* * *

Бывают такие мысли:
Как будто на чистый
Прохладный мрамор
Льется
Весенний свет.

* * *

Словно их глубина
Пьет только светлое в мире...
До сих пор
Вижу перед собой
Черные зрачки ее глаз.

* * *

О самом, единственно-важном,
Тогда
Не сказал я тебе слова,
Но они в душе моей
Живы.

* * *

Как трещина
На белом абажуре,
Неизгладима
Память
О разлуке.

* * *

С безучастным видом
Я говорил.
С безучастным видом
Слушала ты.
Вот, пожалуй, и все.

* * *

Да, говорят недаром,
Что так прекрасна прядка волос,
Случайно упавшая на лицо.
Я смотрел на нее,
Пока ты писала.

* * *

Как на чужбине
Сын гор
Вспоминает дальние горы свои,
В час печали
Я думаю о тебе.

* * *

Лишь покажется мне,
Забыл,
Как любая мелочь
Напомнит.
Нет, не могу забыть!

* * *

Я слышал,
Что ты больна.
Я слышал, что встала с постели.
За четыреста ри от тебя
Словно во сне ходил я.

* * *

Если на улице вдруг
Облик мелькнет похожий,
Так и заплещет
Сердце в груди.
Разве тебе не жаль?

* * *

В моей торопливой жизни
Бывает,
Я вдруг забудусь и думаю...
Знаешь ли ты
О ком?

* * *

Года за годами бегут.
Год от года
Вдали от тебя,
Все сильнее
Я люблю тебя!

* * *

Домик твой в саду
Недалёко
От столицы Исикари...
Облетел ли
Яблоневый цвет?

* * *

Три длинных письма от тебя —
Не более —
За три года...
А сам я тебе писал,
Быть может, раза четыре.

СНИМАЯ ПЕРЧАТКУ...

* * *

Снимал я перчатку.
И вдруг —
Рука замерла.
Скользнуло по сердцу
Воспоминанье.

* * *

Наука притворства в любви...
Я постиг ее
Незаметно.
Первый пушок пробивался
Тогда над моей губой.

* * *

Быть может, оттого я так печален,
Что ярких красок
Нет вокруг меня?
Послал купить я
Красные цветы.

* * *

Наконец-то
Я новую книгу купил.
Читал, читал
Далеко за полночь...
Эту радость трудно забыть!

* * *

Оконное стекло
Задымлено
Дождем и пылью...
Какое грустное
Окно!

* * *

Шесть лет
Свою старую шапку
Каждый день надевал я,
Каждый день...
Но и ее потерял я.

* * *

Как чутко спит
Легким сном
Весенним,
Как мягка для глаз
Эта первая травка!

* * *

Тянутся, тянутся без конца
Бурого цвета кирпичные стены,
Но дымно-лиловыми
Стали они
В этот долгий весенний день!

* * *

На грязные стены из кирпича
Падает мягко
И тает,
Падает, весь растает и вновь
Летит весенний снежок.

* * *

Вот молодая женщина,
Полуслепая, стоит
У растворенного окна.
Тихо-тихо ей брызжет в лицо
Мелкий дождик весенний.

* * *

Иду
По весенней улице,
На дощечке у входа
Красивая надпись.
Женское имя...

* * *

Аромат молодых деревьев
Переполнил
Всю Новую улицу.
Ни звука.
Весенняя тишина.

* * *

На душе у меня так печально,
Словно где-то сейчас
Молодая девушка
Умирает.
Сыплется ледяная крупа.

* * *

Зимняя улица,
Мертвая улица...
Неуловимо
Где-то таится
Запах карболки.

* * *

Груды белых тарелок
Вытирает
И ставит на полку
В темном углу трактира
Женщина с грустным лицом.

* * *

Молодого салата
Листья на блюде.
Острый — до самого сердца —
Запах уксуса.
Вечер.

* * *

Вечером
В больничном окне
Чье-то белое, белое
Лицо.
Отчего-то о нем я вспомнил.

* * *

Один поцелуй —
Долгий,
И мы расстались.
На улице в полночь
Отсвет далекого зарева.

* * *

Из маленького
Синего кувшина
Льет молоко
Дрожащая рука...
Любимая рука.

* * *

Бросил на полуслове
Свою бесполезную писанину...
Мне люди стали нужны,
И я на улице вышел,
К людям.

* * *

Курю
Отсыревший табак.
Странно!
Как будто чуть-чуть
Мысли мои отсырели.

* * *

Я вдруг остро,
Всем своим существом
Понял: лето пришло,
Вдыхая на дворике после дождя
Крепкий запах влажной земли.

* * *

Перед празднично убранной
Витриной
Стекольной лавки
Стою и гляжу...
Летней ночи луна.

* * *

«Она придет», — мне сказали.
Я рано встал
И встревожился
Оттого, что не слишком свежи
Рукава моей белой рубашки.

* * *

Где-то вбивают кол.
Где-то катится
Тяжелая бочка...
Как все звуки слышны!
Падает, падает снег.

* * *

Ни души в газетном бюро.
Вдруг в середине ночи
Пронзительно
Зазвенел телефон —
И замолк.

* * *

У пологого ската холма,
Где пшеница
Так зеленеет,
Я посреди тропы
Красный нашел гребешок.

* * *

Там, на горе
Позади селенья,
В роще густых криптомерий,
Солнце осеннего дня
Пестрые тени бросает.

* * *

Берег гавани морской.
С громким криком «тороро»
Коршун носится кругами.
Облаком к нему летит
Водяная пыль прибоя.

* * *

Пора осеннего тепла.
Мелькнула
Птицы тень
В стекле туманном —
И мысли спутались мои.

* * *

Друг за другом плывут,
Нырря, взлетая,
Выступы крыш,
И зимнее солнце
Пляшет на них.

* * *

Отец мой
Легко загорался гневом.
Теперь давно не сердится он.
Я думаю:
«Хоть бы он рассердился...»

* * *

Дуновеньем утреннего ветерка
Занесен в окно трамвая
Ивовый листок.
На лету поймал его,
Гляжу...

* * *

Отчего-то мне вдруг
Захотелось море увидеть.
Я к морю пришел —
В то утро, когда не мог я
Боль души победить.

* * *

Слишком спокойное море.
Как оно утомило взгляд!
Я отвернулся, и вдруг
Метнулся в глаза
Алый пояс.

* * *

Сколько б ни встретилось мне
В городе женщин сегодня,
Но каждая, каждая,
Казалось, любовь схоронив,
Понура идет домой.

* * *

Я ехал в поезде далёко...
И вдруг на станции
Среди полей
Родной и милый
Запах летних трав!

* * *

Рано утром
Я еле поспел на поезд.
Дорога в начале осени.
Черствого хлеба
Ломоть.

* * *

Я думал в поезде
О будущем своем.
Оно мелькнуло предо мной —
Печальное —
В ночном окне вагона.

* * *

Лесная глушь.
Я поглядел на стрелки:
Стояли
Станционные часы.
Ночной бессонный дождь.

* * *

Как белый лотос
В болоте,
Не тонет
В пьяном угаре
Печаль.

* * *

Продаю,
Все продаю!
Один у меня остался
Потрепанный немецкий словарь —
На исходе этого лета.

* * *

Беспричинно
К другу я охладел.
Неприметно
Снова сдружился с ним.
У порога поздняя осень.

* * *

Красной обложки
Коснулся я вдруг,
Когда на дне корзины искал
Книги,
Запретные в нашей стране.

* * *

По дороге осенним утром
Мне встретился
Знакомый писатель.
Он сказал:
«Запретили книгу мою!»

* * *

Осенний несетя ветер
Над цепью
Маленьких островков,
В самом углу
Океана.

* * *

Вот все, что помню о ней:
Затуманенные
Влагой глаза
Да черная родинка
На щеке.

* * *

Когда ни взгляну на нее,
Все катится
Перед нею клубок,
Все вяжет,
Вяжет она чулки...

* * *

Жалобно-тонко
В траве
Цикады звенят...
Читаю на летнем лугу
Письмо.

* * *

Поздней ночью
Открыл я дверь.
Что-то белое
Во дворе метнулось.
Собака? Или...

* * *

Глубокой ночью
Стекла окна
Окрасило бледным отсветом
Бесшумное зарево
Пожара.

* * *

Несчастливая моя любовь! —
Шепчу я сам себе.
Уже за полночь.
В жаровню гаснущую
Углей подложил...

* * *

Словно водой
Окатали меня с головы до ног,
Так мое тело влажно...
И в придачу
Муторный запах лука.

* * *

Как боязливый разведчик,
Я, полный страха, брожу
Один
Глубокою ночью
По улицам городским.

* * *

Ночью мне почудилось вдруг,
Будто вся кожа моя —
Настороженное ухо...
В молчанье спящего города —
Тяжелый топот сапог.

* * *

Поздно ночью
На станцию пришел человек.
Посидел на скамье,
Вскочил и вышел...
Он был без шапки.

* * *

Вдруг сыростью
На меня пахнуло.
Спустился ночной туман.
Не замечая времени,
По городу я блуждал.

* * *

Словно из дикой пустыни,
Я домой воротился...
Долго шел я
По черной ночи,
По черной ночи Токио.

* * *

Под самыми окнами банка,
На покрытой инеем
Мостовой,
Пятна
Синих чернил.

* * *

«Тёнтён», —
Веселятся овсянки
В неглубокой чаше бамбука.
Я иду по дороге
Через заснеженный луг.

* * *

Был октябрь.
По сырому, длинному
Коридору
Родильного дома
Шагал я взад и вперед.

* * *

Впервые
Жадно глотнул
Ребенок мой
Воздух осеннего утра —
Пополам со смертью.

* * *

В кофте с лиловыми рукавами
Какой-то китаец
Глядел на небо,
В парке
На склоне дня.

* * *

Было так у меня на душе,
Словно коснулся рукой
Нежной кожи младенца.
Тихо шел я один
По темным дорогам парка.

* * *

Я чиркнул спичкой...
Круг света —
Шириною в ладонь —
Перерезал
Белый москит.

* * *

Между деревьями парка
Маленькие
Резвились птицы.
Глядя на них,
Отдыхал я...

* * *

Я так и вздрогнул!
Это он, тот памятный
Поцелуй.
Тихо щеки коснулся
Платана лист на лету.

* * *

Не позабыть мне
Его лица!
Под полицейской стражей
По улице шел в тюрьму человек
И только слегка улыбался.

* * *

Ребенка
На спину привязал
Мой овдовевший друг
И бродит
По развалинам замка.

* * *

В два-три голоса
Мне говорили:
«Перед смертью
Он тихо всхлипнул... Чуть-чуть».
Слезы сжали мне горло.

* * *

Бывало, едва с работы
Поздней ночью приду домой,
Первым делом беру я на руки
Сына...
И нет его.

* * *

В ту пору,
Когда, наливаясь, крепнут
Корни белой редьки в деревне,
Родился —
И умер мой сын.

* * *

Мне показалось,
Он один
Перед бездонною загадкой.
Я снова руку положил
На лобик мертвого ребенка.

ГРУСТНАЯ ИГРУШКА

* * *

Стоит мне только вздохнуть,
В груди моей
Раздается шум,
Осеннего вихря
Грустней.

* * *

Убежали дети,
Домой не спешат.
А я достал
Паровозик,
Катаю взад и вперед...

* * *

«Как хочется книг!
Купить бы новые книги!» —
Я говорил жене.
То была не просьба,
А только мечта...

* * *

Я вышел из дому
И, верно, с полчаса
Шел с видом
Делового человека,
Как будто я куда-нибудь спешу...

* * *

О далеком пути
Мечтает муж.
Жена и дети
Сердятся, плачут...
Завтрак за семейным столом.

* * *

Светлое
Зимнее утро.
Я выпил горячей воды.
Мягким паром
В лицо дохнуло...

* * *

Я книгу бросил.
Рассеянным взглядом
Глубоко в картину ушел,
Выпуская кольца
Табачного дыма.

* * *

На полпути пересадка,
А последний трамвай
Ушел.
Я готов был заплакать
Под дождем.

* * *

Почему-то
Сегодня утром
Стало немного
На сердце светлей,
Подстригаю ногти.

* * *

Ночью я вышел из комнаты.
На перилах балкона
Заиндевелых
Охладил я
Кончики пальцев.

* * *

«Пусть будет
То, что будет!» —
Таким
Я стал теперь.
И это страшно мне...

* * *

Как поезд
Идет через поле пустое,
Так горе
Сквозь сердце
Находит путь.

* * *

Жалкая, на серой бумаге
Газета родного края...
Разворачивая утром листы,
Я привычно нашел
Опечатки.

* * *

Словно я посетил
Могилу
Первой своей любви,
Когда я за город
Вышел.

* * *

О да, я верю,
Что новое завтра придет! —
Нет в этих моих словах
Ни капли неправды,
И все же...

* * *

Я вдруг по горам стосковался.
К подножью горы пришел...
Найти бы тот камень,
На котором
Сидел я в прошлом году!

* * *

Гляжу на свои
Грязью испачканные руки...
Как будто я вдруг увидел,
Что случилось
С сердцем моим!

* * *

Звонкий стук.
Смех детей. Взлетает волан.
Неужели вернулся опять
Новый год
Прошедшего года?

* * *

Наверно,
В новом году
Сбудется что-то хорошее.
Небо ясно.
Ветер затих.

* * *

Засыпая,
Я сердце свое бранил.
Все оно ждет:
«Что-то хорошее завтра случится.
Завтра случится...»

* * *

Письмо с поздравлением
От друга.
Он каждый год присылает мне
Две-три танки —
На один образец.

* * *

Странная у меня голова!
Все думает
О недостижимом.
Неужели так будет
И в этом году?

* * *

Все люди
Идут в одну сторону.
А я стою и гляжу,
Поодаль от них,
На обочине.

* * *

Словно свеча,
Стала треща разгораться...
Ночь
Накануне
Нового года.

* * *

Или это выходит из меня
Вся накопленная за год
Усталость?
Так дремлется мне
В первый день новогодний.

* * *

Хлопнешь в ладоши
И ждешь,
Пока не послышится сонный отклик...
Моя досада.
На это похожа.

* * *

Новый год миновал.
Наша жизнь
Поплелась все по той же
Печальной
Дороге.

* * *

Плача,
Я с богом спорил.
О этот сон!
Мне он приснился утром
Дня четыре тому назад.

* * *

В воротник пальто
Подбородок я спрятал
И в ночной тишине
Напрягаю слух.
Как этот голос похож!

* * *

Сегодня отказались от вина
В деревне многие крестьяне,
Но завтра
От чего откажутся они,
Когда еще труднее станет?

* * *

Человеку моложе меня
Говорил я звонкие фразы,
Разглагольствовал много часов,
Но душа от этого
Так устала!

* * *

Чтобы за ночь одну
Расцвела,
Подогрел я горшок,
Где слива растет.
Ни один цветок не раскрылся.

* * *

Я ждал его,
Так его ждал!
А он не пришел.
Стол переставил я —
Вот сюда.

* * *

Номер старой газеты.
Смотри-ка,
Хвалят
Мои стихи!
Пусть всего два-три слова...

* * *

В сумятице переезда
Старый снимок
Мне под ноги упал...
Выцветший снимок.
Ее лицо.

* * *

Не замечал я
В то время,
Сколько детских ошибок
Было в них.
Связка старых писем.

* * *

Где они?
Куда их спрятал я?
Письма,
Что жена писала мне
Восемь лет тому назад?

* * *

Смешно?
Я не мог засмеяться.
Так долго искал я нож,
А он
У меня в руке.

* * *

Уже, наверно, лет пять
Я не видел
Широкого неба.
Разве можно
Без этого жить?

* * *

Всерьез уверена
Дочка моя,
Что люди только затем и пишут,
Чтоб рукопись
Отправить в печать.

* * *

В то время
Я часто лгал.
С спокойной совестью лгал.
...Вспомню,
Пот прошибает.

* * *

«У нас родился ребенок», —
Открытку я получил.
На минуту
Лицо у меня
Просветлело.

* * *

Я дверь толкнул.
Шагнул
Через порог
Палаты... Показалось мне,
Что коридору нет конца.

* * *

Как будто я сбросил с плеч
Тяжелый-тяжелый груз.
Невольно
С чувством таким
Я лег на больничную койку.

* * *

«Так, значит,
Вам не хочется жить?» —
Строго спросил меня доктор.
И сердце мое
Промолчало в ответ.

* * *

Я о себе
Так много возомнил!
Я верил,
Что всего достигну...
Какой я был ребенок!

* * *

«Теперь я уверилась
В сердце твоём!» —
Сказала мне мать.
Она в сновиденье пришла ко мне
И, плача, снова ушла.

* * *

Жена с детьми
Навестила меня.
Я так был рад!
Я снова нашел
Свое настоящее сердце.

* * *

«Ну, спите ночью
Хорошенько!» —
Мне доктор говорит.
Как будто
Малому ребенку.

* * *

Падает путано, сбивчиво
Весенний снег.
Я слежу за ним
Горячими
От лихорадки глазами.

* * *

«Когда-нибудь
Издам непременно!» —
Все думаю я о книге своей.
Говорю с женой,
Какого цвета будет обложка.

* * *

Пять долгих лет,
Как уехал я из деревни.
И вот — заболел. Во сне
Мне слышится снова
Голос кукушки.

* * *

Как весною
Кричала кукушка
На самой вершине
Кипариса,
Возле нашего сельского храма!

* * *

Не знаю сам почему,
Целый день
Мне приходит на память
Имя русское
«Бородин».

* * *

Наверно, товарищам и жене
Грустно бывает слушать,
Как я без усталости,
Такой больной,
О революции говорю!

* * *

Не походи на отца!
Ни на отца своего отца!
Ты слышишь,
О чем я прошу тебя,
Дочка?

* * *

Всего пять лет
Дочке моей,
Но и она
Хорошо уже знает
Слова «революция» и «рабочий».

* * *

Что в голову ей пришло?
Вдруг бросила девочка
Игрушки
И тихо уселась
Возле меня.

* * *

Все смотрит на циновку.
Тяжелый,
Неподвижный взгляд...
Спросить ли мне, жена,
О чем ты думаешь теперь?

* * *

Русское имя
Соня
Я дал дочурке своей.
И радостно мне бывает
Порой окликнуть ее.

* * *

О бедный мой отец!
Я вижу, он газету отложил,
Не в силах более читать,
И на дворе
Играет с муравьем.

* * *

Я дочку побранил.
Она заснула
В слезах,
С полуоткрытым ртом...
Я тихо по щеке ее погладил.

* * *

Подушку с постели моей
Вынесли на веранду...
После долгой разлуки
Снова встретились мы,
О вечернее небо!

П Р И М Е Ч А Н И Я

Сборники «Горсть песка» и «Грустная игрушка» переведены не полностью. «Горсть песка» содержит в оригинале 551 стихотворение, в «Грустной игрушке» — 194. Переводчик, однако, стремился сохранить настроение каждой книги и все тематические циклы.

В основу перевода положены тексты и комментарии к ним, опубликованные в книге «Тэйхон Исикава Такубоку Касю», под редакцией Иваки Юкинори, изд. «Гакутося», Токио, 1964.

Стр. 28. Сто раз... — Знак «великое»... — иероглиф, которым обозначается понятие «великое», очень несложен по своим начертаниям.

Стр. 31. Ночное веселье... — Асакуса — увеселительный сад в Токио.

Стр. 32. С досадой... — По чашке палочками // Я стучу, стучу... — В Японии вместо вилки употребляют две застольные палочки.

Стр. 58. Густой травой поросли... — Развалины замка *Кодзуката* находятся в городе Мориока (преф. Иватэ). Замок этот стоял на высоком холме, откосы которого укреплены огромными камнями. Холм живописно порос деревьями и представляет собой одну из достопримечательностей Мориока.

Стр. 61. Едва осыплется вишни... — Вишни на севере Японии осыпаются в мае. Летнюю форму полагалось надевать в июне, но молодому Такубоку не терпелось скорее нарядиться.

Еще хоть единый раз... — В стихотворении рисуется романтический образ юноши начала века. Опершись на перила балкона, он поет модные тогда стихи поэтов-романтиков Тосона или Бансуи.

Стр. 62. Книги Сохо... — Токутоми Сохо (1863—1957), писатель, публицист и общественный деятель, поддерживал одно время народное «движение простых людей», выступавшее за демократизацию Японии.

Стр. 71. Запела флейта... — Амэ — род тянучки.

Сам собой, неприметно... — Моти — колбки из рисового теста.

Стр. 73. Вы перед глазами у меня... — Река Китаками протекает через родную деревню поэта. В стихотворении выражено чувство той грустной радости, какое бывает ранней весной.

Стр. 74. Во время праздника Бон... — Праздник Бон очень любим японскими крестьянами. Во время праздника исполняются веселые пляски (Бон-одори). Справляется он в середине седьмого месяца по лунному календарю (в августе).

Стр. 76. Своего Содзюро... — Крестьянин-бедняк Нумада Содзюро и его жена О-Канэ жили по соседству с поэтом. Бытовая сценка в деревне ранним летом.

Стр. 77. Здесь раньше жил один учитель... — Директор школы Сомэ Токудзиро. Отставленный от должности по просьбе учителей, он был переведен в другую деревню, где, по слухам, кончил самоубийством.

Год от году... — Молодой врач Сэгава Хикотаро приехал в Сибутами в 1902 г. Сэгава был единственным врачом на всю деревню, где свирепствовал туберкулез.

Стр. 78. Светляки! — Ловля светлячков над рекой — любимое летнее увеселение японской молодежи.

Стр. 80. Был у нее тогда... — Это и следующее стихотворение посвящены односельчанке поэта — она была проповедницей христианства. Такубоку как будто видит для этой сильной духом девушки возможность и другого пути.

Стр. 82. В этом доме... — Хидэко. — Хотта Хидэко была учительницей в начальной школе Сибутами. В стихотворении изображен тот вечер, когда Такубоку прощался с ней перед отъездом на Хоккайдо. «По временам набегал дождь. Где-то поблизости на рисовых полях звенели голоса лягушек», — записал поэт в своем дневнике.

Меня называли // «Сыном богов». — Так называли местные крестьяне маленького Такубоку, который уже в начальной школе поражал всех своей одаренностью.

Стр. 86. Грустный, // На холме взмошля... — Написано на тему трехстишия знаменитого поэта XVIII в. Бусона.

Стр. 89. И теперь, как бывало... — Написано в духе классических танка, что для «Горсти песка» очень необычно.

Стр. 90. Пора десятой луны... — Соответствует октябрю — ноябрю.

Гора *Иватэ*, славящаяся своей красотой, хорошо видна из деревни Сибутами.

Стр. 91. Солнце, // А дождь шелестит. — *Хаги* (*Lespedeza bicolor*) — род кустарника. Длинные гибкие ветви его покрываются осенью бело-розовыми цветами.

Стр. 95. «Долгий месяц»... — Девятый месяц по лунному календарю.

Стр. 102. Хакодате. // Каменная плита... — В этой могиле был похоронен убитый во время революции Мэйдзи — вождь отряда верных сёгунату войск. На камне высечена эпитафия, написанная китайскими стихами.

Стр. 103. В горах он скрылся... — Учитель и литератор Осима Рудзин внезапно оставил все свои дела и «ушел от мира».

Стр. 104. Словно гляжу я... — О друг мой, *Икуу*... — Поэт Миядзакэ Икуу, написавший интересные воспоминания о Такубоку, был его ближайшим другом. Ему же посвящено стихотворение «На прекрасные дары...» (стр. 104) (см. предисловие).

Стр. 105. В самую полночь... — Станция *Куттиан* (по-айнски «Долина охотничьих хижин») находится на дороге Саппоро — Отару.

Ворошит тополя... — В этом стихотворении изображен пейзаж города Саппоро.

Стр. 109. И вдруг — на бледной // До синевы щеке... — В дневнике Такубоку от 22 декабря 1907 г. записано: «Вечером пришел Фудзита Такэдзи, говорил со мной о том, как понять загадку человеческой жизни. Беседовали об индивидуализме». Коммерсант Фудзита Такэдзи, автор воспоминаний о Такубоку, умер от застарелого туберкулеза в 1938 г.

Стр. 110. Летел навстречу мокрый снег... — Равнина *Исикари* находится в западной части Хоккайдо. По ней течет река Исикари с притоком Сорати.

Стр. 112. Я на последней станции со-
-л. — Поэт описывает свой приезд в город Куширо.

Стр. 113—114. Так сердце у нее // Болело
за меня... — Это и последующие стихотворения по-
священы молодой гейше в Куширо: *Кояцу звали ее* —
в этих словах чувствуется, что она уже стала дале-
ким воспоминанием.

Стр. 116. «Это к счастью! Смотрите!» —
Здесь изображается молоденькая гейша, подруга
Кояцу. *Сямисэн* — трехструнный щипковый инстру-
мент, род гитары.

Как видение божества... — Гора *Акан* —
вулкан на Хоккайдо.

Стр. 118. Северные скитанья мои... —
«*Волны моют песок*» (ротоса) — цитата из китай-
ской песни Танской эпохи (618—907) в японизиро-
ванном произношении. В ней выражена скорбь жены
по уехавшему вдаль мужу. Автор достоверно неиз-
вестен, но песню эту приписывают знаменитому
поэту Бо Цзюй-и (772—846).

Стр. 138. Красной обложки // Коснулся я
вдруг... — В последние годы своей жизни Исикава
Такубоку читал политические книги, такие, как
«Дух социализма» Котоку Сюсуй, «Записки револю-
ционера» Кропоткина, и много других. Он прочел
«Коммунистический манифест» в переводе Котоку,
познакомился с «Капиталом» Карла Маркса. Все эти
книги приходилось прятать на случай обыска.

Стр. 142. Как боязливый разведчик... —
Это и последующие стихотворения рисуют мрач-
ный облик столицы в эпоху разгула реакции.
(См. предисловие.)

Ночью мне почудилось вдруг... — Тя-
желый топот сапог. — Сапоги в Японии носили поли-
цейские и военные. Тяжелый топот сапог ночью за-
ставлял думать о том, что полиция идет к кому-то
с целью обыска или ареста.

Стр. 144. Б ы л о к т я б р ь . — В октябре у Такубоку родился сын, который прожил меньше месяца. Смерть ребенка была тяжелым ударом для поэта. «Горсть песка» посвящена памяти сына.

Стр. 157. З в о н к и й с т у к . — По старинному народному обычаю, девочки на Новый год подбрасывают мячик с перьями своеобразными деревянными ракетками, которые украшены пестрыми картинками. *Новый год* — 1911 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Маркова. Предисловие 5

ГОРСТЬ ПЕСКА

Песни о любви к себе 25
Дым 56
Под привольный шум осеннего ветра 84
Те, которых мне не забыть 99
Снимая перчатку... 124

ГРУСТНАЯ ИГРУШКА 151

Примечания 173

Исикава ТАКУБОКУ

Лирика

Редактор В. Санович

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор Л. Сутина

Корректоры

М. Муромцева и В. Широкова

*

Сдано в набор 5/IX 1965 г.
Подписано к печати 27/XII 1965 г.
Бумага 70 X 90^{1/32} — 5,6 печ. л.
6,56 усл. печ. л. 4,07 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Зак. 3523.
Цена 30 коп.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.